

На следующий день в полдень Вэй Цаю сообщили, что он может приехать в назначенное Му Сяосян место — недорогое кафе.

У Цзян Хаоцзе, разумеется, не было настолько большого влияния. Они с Му Сяосян не были близки — просто знакомые, у которых имелись контакты друг друга. Впрочем, Му Сяосян вообще ни с кем из индустрии близких отношений не поддерживала и никогда не пользовалась служебным положением в личных целях.

На этот раз у Му Сяосян как раз выпал отпуск и было достаточно свободного времени, поэтому она согласилась на предложенную им служебную встречу.

Вэй Цай нарядился дорого и респектабельно и вышел из дома. Усвоив урок прошлого раза, теперь он уже не осмелился арендовать какие-нибудь знаменитые часы. В прошлый раз, если бы потом он долго и униженно не упрасивал господина Хэ и не отправил ему немало красавиц, дело действительно могло бы закончиться плохо.

Но он всё-таки разозлил Хань Юньшу, поэтому после того случая господин Хэ больше не брал его ни на какие публичные мероприятия, а встречался с ним только частным образом.

Машина подъехала к назначенному кафе. Вэй Цай крепко сжал папку, набитую «доказательствами» того, что «Тайны потустороннего» занимаются феодальными суевериями, с фальшивой улыбкой вошёл внутрь и сел ждать важную начальницу.

Он специально пришёл на полчаса раньше: боялся, что начальница окажется на месте первой и сочтёт его невоспитанным.

Таковы правила индустрии.

Вскоре в кафе вошла Му Сяосян — в деловом костюме, с холодно-красивым лицом. Она сразу перешла к делу:

— Режиссёр Цзян сказал, что у вас есть материалы по жалобе, которые вы хотите передать лично мне. Что именно за материалы?

Вэй Цай впервые видел эту высокопоставленную руководительницу. Лъстиво улыбаясь, он протянул ей папку.

Му Сяосян перелистнула пару страниц, и лицо её потемнело.

— Простите, я не могу принять эти материалы.

Уже довольно давно Му Сяосян получила сверху уведомление о смягчении политики в

отношении так называемых феодальных суеверий и примерно понимала намерения руководства. Естественно, она не собиралась рассматривать жалобу Вэй Цая, которая как раз пришлась совершенно не ко времени.

Лицо Вэй Цая стало безобразным.

— Вы... почему? Ведь доказательства неопровержимы.

Му Сяосян, конечно, не могла прямо раскрыть служебные указания сверху, поэтому лишь сказала:

— Результаты пересмотра новой политики этого года ещё не опубликованы. Дождитесь новых правил, а потом уже поговорим.

По сути, это был завуалированный намёк, что политика изменилась.

Но Вэй Цай в эту сторону даже не подумал. Он опустил голову, лицо налилось краской: не мог поверить, что тщательно подготовленную жалобу отклонили меньше чем за минуту.

Увидев его состояние, Му Сяосян придвинула папку обратно, поднялась и обратилась к официанту:

— Рассчитайте нас. Два кофе за этим столиком. И ещё упакуйте мне тыквенный тост и один сюэмэйнян.

Она была очень осмотрительна в делах и не позволила бы Вэй Цаю заплатить даже за чашку кофе, чтобы потом из этого не возникло никаких проблем.

Му Сяосян взяла пакет с выпечкой, убрала чек в сумку и, выходя из кафе, достала телефон. Она написала мужу и сыну, ожидавшим её на углу улицы, что захватила их любимые десерты.

Вэй Цаю уже было не до кофе. Он тоже поднялся, собираясь уйти, а перед выходом вспомнил, что дома почти закончились салфетки, и решил зайти в ближайший супермаркет. Но едва он дошёл до перекрёстка, как увидел Му Сяосян, ещё недавно холодную и бесстрастную, теперь с лёгкой улыбкой смотревшую на двух мужчин в масках напротив неё.

Вэй Цай слишком пристально следил за Ци Гу и потому отлично запомнил даже телосложение и внешность людей рядом с ним. Он быстро понял, что один из мужчин — новый ученик Ци Гу, Му Синчэнь.

Му Синчэнь... Му Сяосян. Так Му Синчэнь, оказывается, носил фамилию матери.

Стоило Вэй Цаю немного прикинуть, и он тут же решил, что Му Синчэнь — ребёнок большой начальницы, настоящий блатной. Неудивительно, что он сразу попал в дебютный состав и даже после того, как вся группа погорела на скандалах, остался единственным чистым. Оказывается, наверху у него были свои люди!

Блатных Вэй Цай ненавидел больше всего. Он тут же достал телефон, тайком снял эту сцену, а затем, с бешено колотящимся сердцем, ушёл по другой улочке.

Сев в такси, Вэй Цай чем больше думал, тем сильнее чувствовал: что-то здесь нечисто!

Вот оно что! Почему Му Сяосян отказалась принимать его жалобу? Да потому, что её драгоценный сын — ученик Ци Гу. Она покрывает Ци Гу, делает ему одолжение и служит опорой!

И неудивительно. Такие люди, похоже, почти все немного суеверны... Тогда нет ничего странного, что они стараются задобрить Ци Гу!

Вэй Цай решил, что наконец понял всю подноготную. Ему стало необычайно легко и приятно: теперь в его руках была «истинная сущность» этих надменных мерзавцев. Заодно он начал размышлять, как ему противостоять Му Сяосян.

Он совершенно естественно решил: раз уж перед Му Сяосян он раскрыл своё намерение ударить по Ци Гу и съёмочной группе «Тайн потустороннего», она наверняка его не отпустит.

По крайней мере, будь он на месте Му Сяосян, он непременно вырвал бы проблему с корнем.

Додумавшись до этого, Вэй Цай стал ещё тревожнее. Полчаса назад он ни за что не мог представить, что маленькая жалоба принесёт ему не хороший результат, а внимание гораздо более могущественной силы, способной в любой момент раздавить его!

Хотя Вэй Цай натворил немало мерзостей, до того как Му Сяосян действительно принялась бы его давить, он всё ещё не решался идти с ней на взаимное уничтожение. В конце концов, он хотел жить хорошо. Так он в страхе провёл несколько дней, пока на третий день ему не позвонил продюсер одного сериала, где снимался его артист. Продюсер сообщил: при прохождении цензуры сцены с этим артистом завернули и потребовали исправлений.

Вэй Цай мгновенно воспринял это как признак того, что Му Сяосян начала против него действовать. Он побледнел от страха и не смог вымолвить ни слова.

На самом деле проблема была в самой концепции роли: достаточно было проверяющему посмотреть немного материала, чтобы сразу потребовать остановить и переделать.

Продюсер именно это Вэй Цаю и объяснил. Они с самого начала придумали такого персонажа,

рассчитывая привлечь зрительское внимание экзотикой, и заранее были готовы к тому, что сюжет придётся урезать или изменить. Но сам Вэй Цай был человеком, который злоупотреблял властью ради личной мести, а потому считал, что все поступают так же. Что бы ему ни говорили, он был уверен: Му Сяосян использует должность, чтобы отомстить ему.

Наступил вечер, город зажёл огни. Вэй Цай сидел перед ноутбуком, снова и снова просматривая страницу Му Синчэня в Weibo, и голову его заполняли грязные мысли.

Он думал: раз вы все сговорились и покрываете друг друга, то и я не беззащитная мягкая булочка. Сейчас я вытащу наружу всё ваше неприглядное грязное бельё и покажу, что такое железный кулак справедливости!

Разумеется, прямо выкладывать разоблачение он не стал. Сначала решил немного подготовить почву и разогреть интерес.

□Вэй Цай (агент «Шэнши Медиа»): Разве в этой жизни неизбежно быть раздавленным властью имущими?□

□Вэй Цай (агент «Шэнши Медиа»): Так устал. Иногда думаю: может, было бы лучше просто уснуть и больше не проснуться? (фото снотворного)□

Он подряд опубликовал два поста и очень быстро выманил множество активных комментариев от подписчиков.

□Не надо, брат! Всё пройдёт, жизнь нужно беречь!□

□Что-то случилось? Можешь рассказать нам. Вдруг мы вместе сможем придумать, что делать□

□Вы уже забыли, что он покупал проплаченных хейтеров?□

□Эй, наверху, сейчас не время такое писать. Он уже почти таблетки глотает, речь о человеческой жизни!□

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949095>